

Александр Сычевский, 11-7, выпуск 1966 г.

Об Анатолии Арсеньевиче не получится в дополнение к чему-то. Он целен, и это, пожалуй, главное. Он сформирован поколением победителей, готовый развивать Победу и переустраивать мир, и ещё не сломленный последующим переворотом.

"Нельзя быть математиком, не будучи поэтом в душе", он это повторял, и это фактически его девиз. Сказать, что он учил, означает не сказать ничего. Научить можно компьютер. Он обретёт новые возможности и функции, но останется компьютером. А Анатолий Арсеньевич давал образование, образовывал из нас новых субъектов действительности. Как? Как иногда употребляют символ пеликана, жертвующего собой ради потомства. Не "Ученик да не превзойдёт учителя", хотя и подшучивал порой: «Бог знает на пятёрку, учитель, максимум, на четвёрку, ну, а вы - по нисходящей», - и ставил 19 двоек на класс за первую контрольную по математике (зато потом 12 медалей). А понимал, исповедовал нутром: грош цена учителю, который не воспитает ученика, способного его превзойти. Но А. А. не жертвовал и не учил. Он жил с нами и образовывал нас по своему образу и подобию, насколько получалось. Образование, это не вскарабкаться на плечи гигантов, чтоб заглянуть дальше. Это причащение единой и цельной действительности, как последовательно развёртывающейся необходимости. Естественно, посредством надлежащего инструмента, гимнастики ума, которой едва ли не в наибольшей мере является математика - наука об организации действительности как таковой, что и проявляется в её закономерностях. Образование образует своего субъекта. В меру своей действительности - своего действительного субъекта, стоящего на ногах, будучи причащён действительности, не менее крепко, чем учителя и гиганты, и способного бросить на весы, препарировать, а потребует последовательность мышления и открываемая ею правда, то и опрокинуть любого из них. И Анатолий Арсеньевич нас причащал. Причащал собой, тем, чем жил сам. Причащал земли, планеты в походах. Водил в Карелию в первое лето, вероятно, так, как понимал её и чувствовал. А мы потом, кому повезло, дообразовывались до неё как до Гипербореи, нашей прародины. Водил на Урал, на Таганай, а мы потом открывали, - на родину Заратустры, о чём он сам едва ли и подозревал. Причащал музыки, а мы потом, образовавшись у него и обретя тем самым возможность образовываться далее, открывали её как язык процесса действительности, язык построения мироздания. А он просто жил, со всеми сильными и слабыми сторонами, а мы образовывались понимать и прощать. И ходил потом ещё несколько лет с нами в одно- и двухдневные походы. Приходил на встречи класса, но до определённого момента. Возможно, потому, что дальше, уже причащаясь таким образом нас, почувствовал опасность для своей субъектности. Ведь дальше он совершенствовал свои профессиональные навыки, своё искусство преподавать. А с нами он просто жил, как старший и более опытный товарищ. И с некоторого момента, похоже, просто стал нас побаиваться. Ведь последующие выпуски нас величали динозаврами; возможно, с позиции его образования, хотя его слова тут и не нужны. А мы, 11-7, его первый выпуск, развивались потом в разные стороны, как сама жизнь.

Володя Крылов, 11-7, выпуск 1966 г.

После окончания восьмого класса встал вопрос, где учиться дальше. То есть, у меня, конечно, никаких вопросов не возникало. Я, беззаботный мальчишка, о будущем не задумывался, никаких планов не строил. Все мои приятели класса с седьмого дружно увлеклись радиотехникой, паяли простенькие усилители и так же дружно решили идти в девятый класс в школу неподалёку, где выпускники получали профессию радиомонтажника. Меня сидение с паяльником не увлекало, я гораздо больше любил гонять в футбол или хоккей во дворе, в то время не заставленном машинами, но намеревался идти с ними за компанию.

Но моя умная мама сделала, как я сейчас понимаю, самое ценное из всего в моей жизни, что она сделала для меня: направила меня поступать в лучшую в городе физико-математическую школу № 239. Поступление было конкурсным (не знаю количество человек на место, я этим по своей безалаберности не интересовался), предстояло пройти собеседование. Мама раздобыла прошлогодние вопросы. Я опять даже не мог понять их смысл. Помню, был какой-то вопрос про чётные числа. Я даже не знал, что их можно записать в виде $2k$, где k – натуральное число, а без этого получить нужное доказательство было невозможно...

В ход пошла «тяжёлая артиллерия». Моя сестра окончила физфак ЛГУ и была замужем за кандидатом физ.-мат. наук. Мама на правах тёщи подключила его к моей подготовке. Кое-что прояснилось, хотя готовился я не слишком усердно: мне хотелось к приятелям в школу радиомонтажников.

Собеседование я прошёл неожиданно легко, решил все задачи и ответил на все вопросы. Помню, народу было много, процесс затянулся, я в ожидании своей очереди сижу с уже решёнными задачами за столом в классе, вдруг приоткрывается дверь, мама находит меня взглядом и умоляюще шепчет: «Вовочка, скушай сосисочку!» - и протягивает мне эту сосиску... Я, конечно, гордо отказался.

В школе мне открылся другой, невиданный мир. Ребята все вежливые, не матерятся, не дерутся, одеты все в пиджаки с галстуками (это – обязательное школьное требование), учителя обращаются к нам, пятнадцатилетним ребятам и девчонкам, на «Вы». Разговоры все умные... Один мой одноклассник придумал и доказал новую математическую теорему... Я никогда не бывал в таком обществе, и это произвело на меня очень сильное впечатление.

Месяца через три мои прежние приятели пригласили меня погулять в их компании: «У нас такие девчонки!». Я пришёл и был шокирован узостью их интересов, примитивной речью и вульгарными шутками (при девчонках!). Через полчаса я покинул эту компанию и, идя домой, потрясённо думал: «А ведь я был одним из них! И был бы сейчас таким же, как они, не направь меня мама в эту школу!».

В 239-й школе я с изумлением быстро понял, что я не самый умный. В моём классе были ребята, несравненно лучше меня понимающие математику, и девочки, пишущие гораздо более содержательные сочинения по литературе. Только в физике удавалось более-менее держаться в числе лучших. Учиться было трудно, учителя физики и математики вели занятия не по стандартным школьным учебникам, а приучали нас конспектировать их уроки (для начала – просто задиктовывали).

Коллектив учителей в школе был замечательный! Язык не повернётся назвать кого-нибудь не то, чтобы плохим, а даже недостаточно хорошим. Но в свете моих интересов и будущей профессии особо отмечу учителей математики – Анатолия Арсеньевича Окунева и физики – Георгия Петровича Посецельского.

Анатолий Арсеньевич, наш бессменный классный руководитель все три года учёбы (9 – 11 классы), был молод, не женат, и весь духовный пыл и время отдавал нам: организовывал после уроков прослушивания классической музыки, водил нас в театры, филармонию, по выходным – в лыжные или пешие походы с палатками, летом ездил с нами в организуемые школой комсомольско-трудовые лагеря, а после них – в двухнедельные походы. Он оказал очень сильное влияние на формирование моей личности, я у него многому научился.

Увы, на праздновании 50-летия 239-й школы, прошедшем в 2011 г. в БКЗ «Октябрьский», организаторы даже не упомянули его, и только один из бывших учителей, В.А.Рыжик, в своём выступлении сказал о нём добрые слова. Мне было очень за него обидно.

Анатолий Арсеньевич присутствовал на всех наших классных вечерах в честь праздников (нам как-то и в голову не приходило организовать вечеринку без него). Благодаря этому, у нас не было пьянства, пошлости и разврата, рассказами о которых бравировали мои знакомые из других школ, а были весёлые конкурсы, целомудренные танцы и песни под гитару. Вино, разумеется, тоже было, но всего лишь около 100 г на человека, не более.

Георгий Петрович был человеком добрейшей души. Своими замечательными уроками он углубил во мне интерес к физике. В одиннадцатом классе в день его рождения мой одноклассник и друг Витя Сергеев (ныне – доктор физ.-мат. наук, профессор кафедры физики Земли физического факультета СПбГУ) принёс гитару, которой он мастерски владел, и мы всем классом два урока пели нашему любимому Георгию Петровичу песни. У какого другого учителя было бы возможно такое? Увы, тяжёлая болезнь не дала ему дожить до преклонных лет. Светлая ему память!

За все три года учёбы в 239-й школе не было ни одного школьного вечера с танцами (единственное исключение – выпускной). В это трудно поверить, но это так. Зато действовали туристский клуб «Шаги» и литературный «Алые паруса», которые регулярно проводили тематические вечера. Проводились конкурсы КВН, прослушивания музыки... Всё школьное воспитание было ориентировано на развитие духовного в наших юных несформировавшихся личностях. Инстинкты ведь развивать не надо, они и так сработают в свой срок. В то время мы роптали, бурлили гормоны переходного возраста, но сейчас я очень благодарен нашим педагогам. 239-я школа – это «Знак качества», братство и взаимоподдержка.

До сих пор наш класс каждый год традиционно собирается осенью у одной нашей одноклассницы. Не весь, конечно: «иных уж нет, а те – далече...».

Ляпина Лариса, 11-7, выпуск 1966 г.

В сентябре 1963 года мы, 37 выпускников восьмых классов из разных школ Петербурга-Ленинграда, впервые встретились и познакомились в Доме со львами на Исаакиевской площади – в 239-й математической школе. Мы пришли туда продолжать свое школьное образование. Для того времени это было новшеством, школы со специальным уклоном обучения в старших (9-11 классах) только начинали появляться. В 239-ю хотели многие; всего девятих классов в нашей параллели было восемь. Я попала в «девятый – седьмой», и мы стали одноклассниками: родился наш класс.

Одновременно с нами в эту же школу пришел на работу Анатолий Арсеньевич Окунев. После окончания математического факультета в ЛГПИ им. А.И. Герцена, отработав по распределению два года в областной Лодейнопольской школе и узнав о появлении математической школы в Ленинграде, он перешел на преподавательскую работу в 239-ю, став при этом классным руководителем нашего 9-7. И в этом нам невероятно, бесконечно повезло. Три учебных года, до весны 1966-го, мы – Анатолий Арсеньевич, другие учителя-предметники и наш класс – жили единой, непростой, насыщенной, но увлекательной, интересной жизнью.

Хорошо помню свои впечатления от первых месяцев, проведенных в 239-й – трудного, напряженного, но и богатого событиями времени. Это был новый образ жизни. Трудный – в плане учебы. По математике с самого начала шли контрольные и проверочные работы с заданиями повышенного уровня сложности. Мы понимали, что учителям важно было определить наши возможности и невозможности, чтобы строить учебный процесс. Результаты этих сложных контрольных работ оценивались строго, количество двоек за них было непривычно для нас велико; но полюбить 239-ю это никак не помешало. Постепенно в нашем классе начали выделяться самые сильные математики: Юра Кечкер, Боря Бумагин; их уважали.

В 239-й ощущалось единство учителей с учениками, взаимоуважение и интерес друг к другу. Это единство отражалось даже в мелочах школьной жизни. Помню, как начинался школьный день: от гардероба мы поднимались по лестнице на второй этаж, шли по коридору к классным помещениям с поворотом около кабинетов директора и завуча. И вот по утрам, начиная с появления самых ранних учеников, на этом повороте стоял наш завуч, Михаил Иванович, и здоровался со всеми проходящими мимо школьниками с улыбкой; каждый день, по 30-40 минут!

Помню поразивший и тронувший меня эпизод на одном из уроков математики в начале 9 класса. Анатолий Арсеньевич дал серию задач для самостоятельного решения по одной из тем; по мере их выполнения для проверки начал вызывать решивших к доске. Вызвал меня; я написала на доске решение, ответила на его вопросы – в целом верно, но с каким-то небольшим недочетом. Анатолий Арсеньевич, поколебавшись, резюмировал: «четыре». – Неожиданно в классе возник негромкий ропот: почему не пятерка? Я испугалась, ведь учителю нельзя противоречить! Но Анатолий Арсеньевич, подумав, отреагировал: «Хорошо, вот дополнительное задание: сделает верно – будет 5»; и стал заниматься с классом. Задание оказалось трудным; но, к счастью, готовясь к поступлению в 239-ю летом на даче, я, по совету моего дедушки, решала задачи из его методички. Стоя у доски, вспомнила одну из них, с которой тогда помучилась: там нужно было использовать хороший прием. И, хотя она не очень была похожа на ту, что мне попала, попробовала его применить, хотя и немного иначе. Задача решилась! Анатолий Арсеньевич посмотрел, проверил: «Что ж, пятерка!» Я обрадовалась; и класс заулыбался, и учитель - тоже...

Анатолий Арсеньевич был замечательным руководителем нашей классной и внеклассной жизни: неукоснительно строгим в принципиальных аспектах, но одновременно при этом стремившимся как можно меньше ограничивать нашу свободу, самостоятельность. И ему это удавалось: наша классная и внеклассная жизнь была многообразной и богатой.

По выходным дням мы часто ездили классом на прогулки в пригороды (в Пушкин, в Сосново, в Линдуловскую рощу и т.д.), на каникулах – путешествовали (в Москву, 1964), ездили работать в трудовой лагерь (в Громово), ходили в многодневные походы - летом пешком, зимой на лыжах (в Карелию, на Урал, в Коробицыно и т.д.). Про это невозможно забыть!

Замечательным было не только знакомство с новыми местами и маршрутами, но, конечно, и в общении друг с другом: это были коллективные мероприятия, мы переживали их вместе. И привыкали жить и быть со своим классом.

Здесь оговорю один важный момент: ведь и в том классе, где я училась до перевода в 239-ю, у меня были друзья, компания. Да; но тот наш класс именно состоял из компаний, а общеклассного образа жизни (кроме официальных мероприятий) – не было. А в этой новой школе с самого начала нашей классной жизни установился и неукоснительно выполнялся закон: обо всех предстоящих классных мероприятиях должны были быть непременно проинформированы все. Мы знали и чувствовали это, и это было здорово. Сейчас понимаю, что инициатором этого был наш классный руководитель.

Кроме путешествий, мы полюбили проводить в свободные дни классные встречи - вечера. Они проходили по очереди у кого-либо из нас дома, где родители соглашались предоставить нам квартиру. Там собирались мы, одноклассники, – и непременно Анатолий Арсеньевич. Он, правда, старался на этих вечерах не стеснять нас; инициативу представлял нам. Играли, танцевали, пили чай – и, конечно, играли на гитаре (прежде всего – Витя Сергеев) и пели. Постепенно играть на гитаре научились и другие наши мальчики. Это была эпоха авторской песни, которую мы очень полюбили и знали. Что пели чаще и больше всего? Перечисляю то, что у меня вспоминается в первую очередь, сразу.

А.Городницкий: «Перекааты», «В промозглой мгле», «Геркулесовы столбы», «Канада», «Южный крест», «Черный хлеб», «Брусника», «Снег» (вальс) «Протекают трюма», «Атланты»;

Ю.Визбор: «Не устало небо плакать», «Да обойдут тебя лавины», «Вновь распахнутые ветра», «Ищи меня сегодня», «Спокойно, дружище, спокойно», «Шхельда», «Дочка Большой Медведицы», «Эрцог», «Снова нас ведут куда-то...»;

В.Вихорев: «Мокрый клен», «Соловецкие острова», «Я расскажу тебе», «Стоят палатки», «Если есть на свете горы», «Уезжай, провожатых не будет»;

Ю.Ким: «Капитан Беринг», «Бей баклуши», «Кит», «Пират, забудь о стороне родной»;

Ю.Кукин: «Ну, поедem с тобой, ну поехали», «Темир-Тау»;

В.Высоцкий: «Вертикаль», «Если друг оказался вдруг»;

П.Коган: «Бригантина»;

А.Пахмутова: «ЛЭП-пятьсот»;

А.Якушева: «В речке каменной бьются камни...», «Вечер бродит...», «Горожане»;

В.Туриянский: «Ча-ча-ча», «Косые дожди»;

Б.Полоскин: «Знаком нам вид прощального перрона...»;

В.Лейкин: «Песня болотных геологов» - и т.д.; десятки, сотни песен...

Окончив школу, мы сразу договорились на будущее о проведении традиционного вечера классной встречи по вторым субботам октября - ежегодно. Конечно, и с участием нашего Анатолия Арсеньевича. Такой день для встреч был выбран в октябре, а не в начале сентября, по вполне понятной тогда причине: учебный год начинался в вузах с поездки на сельхозработы – обычно на месяц; была опасность, что к первой октябрьской субботе вернутся еще не все. А классный вечер и после окончания школы должен был быть доступен для всех.

Эта традиция жила и живет до сих пор: мы продолжаем встречаться именно в этот день. Мы вспоминаем Анатолия Арсеньевича, школу. Делимся новостями – о прошедшем лете, о своих делах, детях, внуках. Нам – тем, кто организует эти вечера и приходит на них, - это важно и нужно. Потому что мы – одноклассники.

Моя 239 школа. Вырво Наташа, 11-7, выпуск 1966 г.

В начале 60-х годов прошлого века в нашей стране проходили всякие перемены. Они затронули и образование. Не хватало рабочих на предприятиях: в города из союзных республик завозили молодёжь, открывались ПТУ, школы стали восьмилетними - и только некоторые получили право увеличить продолжительность обучения на два года с условием ввести «производственное обучение». Таким образом и появились школы, где ученики старших классов «проходили практику» на заводах и фабриках. Однако вместе с тем возникли также школы с углубленным изучением ряда научных дисциплин, например - химии и языков. Вот тогда-то и была создана 239-я математическая школа.

Я училась в восьмом классе, когда нашу (очень неплохую!) 272-ю школу сделали восьмилеткой. Встал вопрос: куда идти учиться после ее окончания? Мама считала, что в моём случае нужно выбрать техникум, чтобы поскорее получить специальность, которая обеспечит мне будущее. Но мой старший брат, Володя, убедил её в том, что для меня будет лучше пойти в девятый класс.

Возникла проблема: где найти хорошую школу - и с каким уклоном? Было просмотрено множество справочников и опрошено много знакомых. У меня ясности никакой не было. Но однажды, придя с работы, мой брат рассказал о замечательной математической школе. Его рассказ был таким заразительным, что ни о какой другой школе я уже и не думала. Однажды в феврале или вначале марта Володя не пошёл на работу, а вместе со мной пошел узнавать, как поступить в эту загадочную 239-ю школу.

Мы прошли мимо знаменитых львов у входа, вошли в дворцовый вестибюль, подошли к дверям директорского кабинета. Володя предложил зайти к директору и поговорить о поступлении. Я так волновалась, что пришлось вместо меня к Марии Васильевне идти брату, а я в это время решила осмотреть интерьеры, примыкавшие к вестибюлю. Самое величественное, что находилось рядом, была мраморная лестница, которая вела на второй этаж. На верхней лестничной площадке было огромное зеркало, перед которым поправляла школьное платье очень красивая, как мне показалось, девочка. Потом она резко повернулась в мою сторону и лихо съехала по мраморным перилам. Я была восхищена. Дальше я уже не пошла. Вернулась в вестибюль и дождалась брата. После посещения школы моё желание учиться в ней возросло, но уверенности в собственных силах не было.

Второй раз в школу я пришла на собеседование. В дворцовых анфиладах было очень людно. Многие поступавшие были с родителями. Я же была одна в незнакомой обстановке, среди незнакомых людей. Само собеседование помню смутно. Кажется, меня экзаменовал Владимир Васильевич Бакрылов. С геометрией всё было в порядке, но какая-то неуверенность у него оставалась. Тогда он подозвал только что пришедшего Виктора Кирилловича Кобушкина, и задачка с лисой и зайцем была последней. Меня отпустили. Я не сомневалась, что провалилась. И всё-таки меня зачислили.

Первого сентября 1963 года я познакомилась с моим 9-7 классом. В классе было 37 человек. Хочу сказать, что несмотря на все сложности в жизни каждого ученика, все 37 человек окончили школу - и 18 из них были медалистами. Все медали были заслуженные. В этот день состоялось знакомство с нашим классным руководителем - Анатолием Арсеньевичем.

Наша школьная жизнь началась. И началась она с контрольных работ. Это было время больших переживаний и сомнений. Задания были очень непростые. Пока из 37 работ только четыре были оценены на «три», а остальные на «два» - это было горько и смешно.

Ведь собрали в эту школу отличников! Когда же со временем двоек становилось всё меньше, нервозность и сомнения становились больше. Помню, что были случаи, что я сдавала чистый лист,

т.к. не могла даже понять задание. В это время вышел очередной номер общешкольной стенгазеты. Подойти и почитать было невозможно, но издали виден был большой рисунок, в четверть ватманского листа. На этом рисунке в красном углу в виде иконы сверкала яркими лучами тройка, а перед ней на коленях стоял ученик и молился на неё. Тогда мы с Наташей Русакуловой поняли, что мы не одиноки, и стали поспокойнее.

Позднее Анатолий Арсеньевич нам признавался, что и ему в это время было очень тяжело. Приходилось долго готовиться к каждому уроку, т.к. ребята были очень увлечены математикой. Часто одноклассники приносили и сами весьма интересные задачи. На переменах пытались совместно решить их, пользуясь классной доской. Часто можно было слышать безобидные возгласы: «Тупица, это же элементарно». Как правило, эти задачи после перемены предъявлялись Окуневу. Решения он приносил на следующий день, их мы обсуждали на уроке. Уже позже, после окончания школы, мы приходили к Анатолию Арсеньевичу в гости и вспоминали то время. Мы рассказывали, что готовили уроки порой до поздней ночи или раннего утра. А он в свою очередь делился тем, что столько же времени готовился к урокам и решал те самые непростые задачки.

Запомнилась наша первая совместная поездка классом за город. Это было первое настоящее знакомство с ребятами нашего класса. Анатолий Арсеньевич повёз нас в Пушкин. Осенний дождливый день. Мы гуляли по паркам, ещё не разделённым решётками, собирали жёлтые кленовые листья и жёлуди. У всех сохранились фотографии, хотя не все фотографировались. Эта прогулка запомнилась.

Совместных поездок и прогулок было потом много, но особенно помнится первая. Были у нас ещё и воскресники. Ездили на «Дачу Бенуа» собирать какой-то урожай, убрали мусор в только что построенной гостинице «Советская», разгребали какие-то захламлинные двory. И во всех мероприятиях с нами был наш классный руководитель. Достаточно часто Анатолий Арсеньевич брал для нас билеты в Кировский театр или в филармонию. Ходили мы почти всем классом. Самым большим «трюком» девочек было прийти в театр или на концерт после продолжительного воскресника чистенькими, нарядными с аккуратно уложенными причёсками.

Иногда на урок Окунев приносил и читал нам стихи или какой-нибудь рассказ. Иногда после уроков мы слушали записи оперных спектаклей. Кто-то приносил проигрыватель, а кто-то пластинки. Я принесла «Иоланту». После прослушивания разгорелся спор: у кого голос лучше – у Ивана Козловского или Сергея Лемешева? Вкусы разошлись.

На зимних каникулах в девятом классе было решено поехать всем классом в Москву. Желающих набралось много. Анатолий Арсеньевич поставил условие: каждый должен заработать хоть часть денег на поездку. (Трудовое воспитание!!) В первые осенние каникулы мы все работали на почте – разносили телеграммы. Сколько я тогда заработала - не помню. После Новогоднего праздника большая группа ребят с классным руководителем поехала в Москву, но без меня. Я месяц пролежала в больнице.

Потом у нас были и другие поездки, и замечательные походы... Памятной осталась поездка во Псков и Пушкинские горы осенью в десятом классе. Серые дождливые дни... но так интересно – дух захватывает.

Короткие - однодневные и двухдневные - походы, слёты и маёвки тоже были интересны и веселы, с кострами и песнями под гитару. Перечислять песни и авторов этих песен не буду, об этом писала Лариса Ляпина. Но после окончания школы я получила в подарок от Оли скоросшиватель под названием «Песни нашей молодости» с растрёпанными листочками, он был мне очень дорог. В праздничные и воскресные дни мы большой группой выезжали в Орехово, Рощино и другие места Карельского перешейка. В походы ходил почти весь класс. Только членов клуба «Шаги» было среди нас 25 человек. В наш классный коллектив уже никто не вписывался, а возглавлял его Анатолий Арсеньевич.

Чтобы поехать с классом летом в поход, каждый из нас должен был месяц отработать в комсомольско-трудовом лагере. Это условие тоже выполнялось неукоснительно. Лагерная жизнь была не менее интересна, чем походная. После прополки устраивались футбольные матчи, диспуты и пение под гитару. Даже дежурство по кухне представлялось событием.

Юмор всегда сопутствовал нам. В столовой повесили «успокоительный» плакат: «Ничего, ребята, ничего, девчата – поедите в следующий раз». Такая жизнь способствовала сплачиванию класса и сближению с ребятами всей параллели.

Первый наш летний поход был в Карелию. Мы к нему тщательно готовились. Нас было 17 или 19 человек и Анатолий Арсеньевич. Маршрут был от Медвежьегорска до Петрозаводска. Через Святонаволки, Гирвас и водопад Кивач. Лето было не жаркое, северное. Еду мы готовили по три – четыре человека на костре. На одной стоянке я с Наташей Мартыненко были дежурными. Снимая с костра закипевшую воду, я зацепилась брюками за ручку и опрокинула ведро себе на ноги... Поход мог закончиться на этом эпизоде - и не только для меня, как я понимаю сейчас. Ходить я не могла. До фельдшерского пункта меня несли на руках Саша Сычевский и Витя Сергеев, а потом от стоянки до стоянки я передвигалась на автобусе в течении недели. После такого происшествия Анатолий Арсеньевич хотел отправить меня в Ленинград, но мне с помощью поддержки друзей удалось убедить, что я выдержу поход; и я постаралась не быть обузой. Не знаю до сих пор, дошла ли весть о происшествии до Марии Васильевны, и были ли неприятности у Окунева.

На следующее лето мы бОльшим коллективом пошли по Уралу. Поездом добрались до Челябинска. Потом с небольшими переездами, а в основном пешком добирались до Свердловска. Памятны некоторые моменты. Мы приехали в Челябинск вечером. Школа, в спортзале которой мы должны были заночевать, оказалась закрытой. Спать пришлось на газоне в школьном дворе. Дальше были другие приключения. В сторону Златоуста мы шли пешком. Было поздно. Все устали, хотелось остановиться на ночёвку, но нигде не было воды, чтобы вскипятить чай. Наконец был найден какой-то водоём. В темноте мы готовили ужин, кипятили воду. Так как было темно и качество воды было непонятно, в воду бросили марганцовку. Утром оказалось, что каша была ярко розового цвета, а чай почти чёрным. Но никто не заболел, хотя вода оказалась низкого качества.

Нас восхитило и поразило озеро Тургояк. Голубизна и прозрачность воды были необыкновенными. Тем паче было моё огорчение и возмущение, когда я узнала, что на этом озере стоит комбинат по переработке урана. Но это узнавание произошло на десятки лет позже.

Замечательной, помню, была стоянка на берегу чистейшего озера, где мы собирались провести ночёвку. Володя Крылов пошёл с ведром за водой, но после его восторженного клича мы практически все бросились ловить раков, которых в этом озере оказалось видимо-невидимо. Даже Анатолий Арсеньевич нас урезонить не мог.

Поразили нас и Кунгурские пещеры. Впечатление осталось на всю жизнь.

Незаметным для нас образом Анатолий Арсеньевич влиял на нас. «Шёл воспитательный процесс». Как это происходило?

В течение учебного года каждый класс должен был сделать концерт. Репетиции проводил с нами Окунев. Учил нас петь хором песни Александры Пахмутовой, читать стихи и прозу. Это был захватывающий процесс, который нам очень нравился. Только петь хором получалось плохо: если кто-нибудь фальшивил, то Анатолий Арсеньевич показывал ему кулак. Помогало мало. Вызывало улыбку у хористов. Такой вот воспитательный процесс.

Первое октября – день рождения Анатолия Арсеньевича. Для нас это был праздник. Мы были в 11 классе, когда в этот день после звонка на урок ребята и Анатолий Арсеньевич уже сидели за столами, мы, несколько девочек, внесли в класс поднос с нашей выпечкой, тортом и печеньем. Удивление было на лице учителя. Дверь класса закрыли на ножку стула. Началось празднование: именинник угощал нас нашими же вкусностями, Витя Сергеев взял гитару, которая «случайно» оказалась рядом. Тихо пел любимые песни.

Такого дня рождения, думаю, больше ни у кого не было.

Почти каждую субботу по вечерам всем классом мы собирались у кого-нибудь дома. Пили чай, пели под гитару и общались. Анатолий Арсеньевич всегда был с нами. Это было естественно. Когда мы окончили школу, очень не хотелось расставаться. В ВУЗы поступили все. После возвращения с «картошки» (на уборку картошки посылали всех первокурсников) мы собрались у Оли Добробоженко. Уже тогда стали договариваться о новой встрече. Стало понятно, что с прежней частотой собираться мы не сможем.

В один октябрьский вечер мы собрались у мамы Валеры Балабина на ул. Дзержинского, 4. Был прекрасный вечер встречи. Расходиться не хотелось. Но пришло время... Мы стояли группкой у подъезда. Анатолий Арсеньевич предложил назначить день в году для традиционной встречи, чаще не получится. Вот тогда мы начали перебирать возможные варианты. Выбрали вторую субботу октября. С тех пор каждый год в этот день мы собираемся. Нас становится все меньше. Но мы в назначенный день встречаемся.

Анатолий Арсеньевич душою с нами всегда.

P.S. Анатолий Арсеньевич был педагогом от Бога. Казалось, что он никогда и помышлял о другом поприще. Тем удивительнее мне было его откровение.

После окончания школы мы поступали в разные ВУЗы. Я подала документы в ЛИИЖТ. Экзамены начинались с первого августа, в июле надо было как-то готовиться. Подготовка по математике в нашей школе у всех была очень хорошей, но мы с девочками из разных классов нашей 239-ой пошли на месячные подготовительные курсы. На первом занятии в аудиторию вошёл преподаватель: Анатолий Арсеньевич. Удивление было взаимно. «А ты что здесь делаешь?», - спросил он меня. И подытожил: «Тебе здесь делать нечего». Мы выходили из института вместе, и он мне рассказал, что провалился на экзаменах в ЛИИЖТ и пошёл в Педагогический. Этим признанием он меня поразил в самое сердце. А что бы было с нами, если б Анатолий Арсеньевич поступил в ЛИИЖТ?